

ЛЕТИ, ЭСТАФЕТА СЧАСТЬЯ!

ОЛЕСЬ БЕНЮХ

П. А. П.—спросил меня однажды Андрюшка, поднявшись на цыпочки и пытаясь положить подбородок на край письменного стола,— а зачем у тебя эта железка валяется? Андрей давно уже старается завладеть небольшим квадратным слитком стали.

— Когда-нибудь сдам в музей,— подумав, отвечаю я.

— В музей железку не возьмут. Там только картины висят...

Мой маленький, милый глупыш! Сегодня твой мир — сказки, в которых царевичи и богатыри бесстрашно сражаются с чудовищами и отыскивают клады. Наступит завтрашний день, и ты узнаешь, что простой человек, свободный и гордый, сильнее сказочных богатырей, а обычная сталь может стать дороже расчервленного золота...

...Впервые я встретил Никифорова в Бхилаи. Помню, в то утро стоял густой туман и веселое, весеннее солнце спозаранок принялось за работу. И вот туман дрогнул, стал таять, оседая на землю огромными косматыми клочьями. И, появившись словно из-под земли, поднялись в поднебесье торжественно-строгие очертания цехов завода.

Тонко звенит необычная для большой стройки чуткая тишина. И вдруг откуда-то с высоты слышится вниз песня.

— Э-э-эй, у-у-ухнем! — заводит густой баритон.

— А-а-ача, бха-а-ай! ¹ — волной накатывается сразу несколько голосов.

— Еще разик, е-еще-е-е-е ра-а-аз! — размашисто, радостно, как поток только что рожденного чугуна, льется с третьей домны.

Поднимаюсь на леса. Работает бригада монтажников. А вот и бригадир.

— Никифоров Петр, — он щедро улыбается, моя рука тонет в его просторной, похожей на

наш придорожный лопух, брезентовой руковице. Низкого роста, узкоплечий, он совсем не похож на тех широкогрудых гигантов-строителей, которых обычно изображают крупным планом на полотнах с индустриальным пейзажем.

— О себе рассказывать? Что ж, все очень просто. Строю четверть века. Работал на Украине, на Урале, в Кузбассе. Теперь вот здесь.

Он замолчал, явно устав от своего автобиографического монолога. Вновь добро улыбнулся, кивнул на индийцев, с любопытством прислушивающихся к нашему разговору.

— Мои ученики. Отличные ребята! Вот, скажем, Махеш Кумар — монтажник. А пришел на стройку из глухой деревеньки, паровоз первый раз год назад увидел. Образования почти никакого. Я его неделю уговаривал ботинки надеть.

— Правда, правда Петро говорит, — по-русски вставляет Махеш, сияя своими влажными, черными глазами.

— Сделаю что-нибудь не так — заставляю переделывать, — продолжает Никифоров. — Второй раз, третий, пятый... Зато теперь любо-дорого смотреть на его работу. Или Зия Хасан, ведь золотые руки и голова смышленная — что твое конструкторское бюро...

Перекур кончился, и мы распрощались. Я уже направился было вниз, когда меня окликнул Никифоров. Подойдя, он достал из нагрудного кармана спецовки металлический квадратик, протянул его мне:

— На память о нашей бригаде. Из первого ковша бхилайской стали...

Год спустя довелось мне побывать на юге Индии, в Нейвели, где с помощью нашей страны строится мощная теплоэлектростанция. В незаконченной глыбе бетона и стали уже угадывались контуры будущего дворца света. По строительной площадке двигались десятки грузовиков с ящиками, бока которых мелькали привычными визитными карточками: «Одесса — Мадрас». Кругом кипела работа. Вот группа индийцев переносит на головах пудовые корзины цемента, а неподалеку укрощают только что собранные механизмы, огненными всполохами вольтовой дуги благословляя намертво обнявшиеся металлические балки. Зелеными, красными, синими брызгами мелькали сари, сверкали под солнцем шоколадные тела. Непрерывен, как рокот горной реки, гул моторов, скрежет и звон металла, людской говор.

Я стою у фасада станции, жду свой «джип», чтобы отправиться в поселок... Но что это? Вы слышите? Да ведь... Ну, конечно, это песня, песня, черт возьми!

— Э-э-эй, у-у-ухнем! — летит из-под самой крыши, словно отдаленный удар в набат.

— Налладху-у-у, анне-е-е! ² — взрывается с удетеренной силой.

— Еще разик, е-еще р-а-з!

Бог ты мой! Никифоров в Нейвели, а я и ведаю об этом не ведаю. В мгновение ока взлетаю наверх. Перевожу дыхание, оглядываюсь. На меня молча с доброжелательным любопытством смотрят несколько незнакомых индийцев. Я тоже молчу в недоумении.

— Нехорошо старых друзей забывать, — говорит вдруг кто-то с мягким акцентом за моей спиной.

¹ — Хорошо, брат! (хинди).

² — Хорошо, брат! (тамил).

Оборачиваюсь и тут же встречаю взгляд знакомых сияющих черных глаз.

— Бхилаи?

— Да.

— Третья домна?

— Третья домна.

— Махеш Кумар?

— Точно.

Мы крепко обнялись.

— Где же твой бригадир, Махеш?

— Я — бригадир, — улыбается Махеш.

— А песня-то? Песню кто пел?

— И песню я пел, с ребятами, — он горделивым отцовским взглядом окидывает обступивших нас индийцев.

— А Никифоров, где он? — невольно вырывается у меня.

Махеш молчит. Отвечает тихо, задумчиво:

— В Бхилаи Петро оставил свою бригаду Зия Хасану. Приехали сюда. Поработали вместе полгода, бригаду и песню мне передал. А сам в Ранчи уехал, завод тяжелых станков строить.

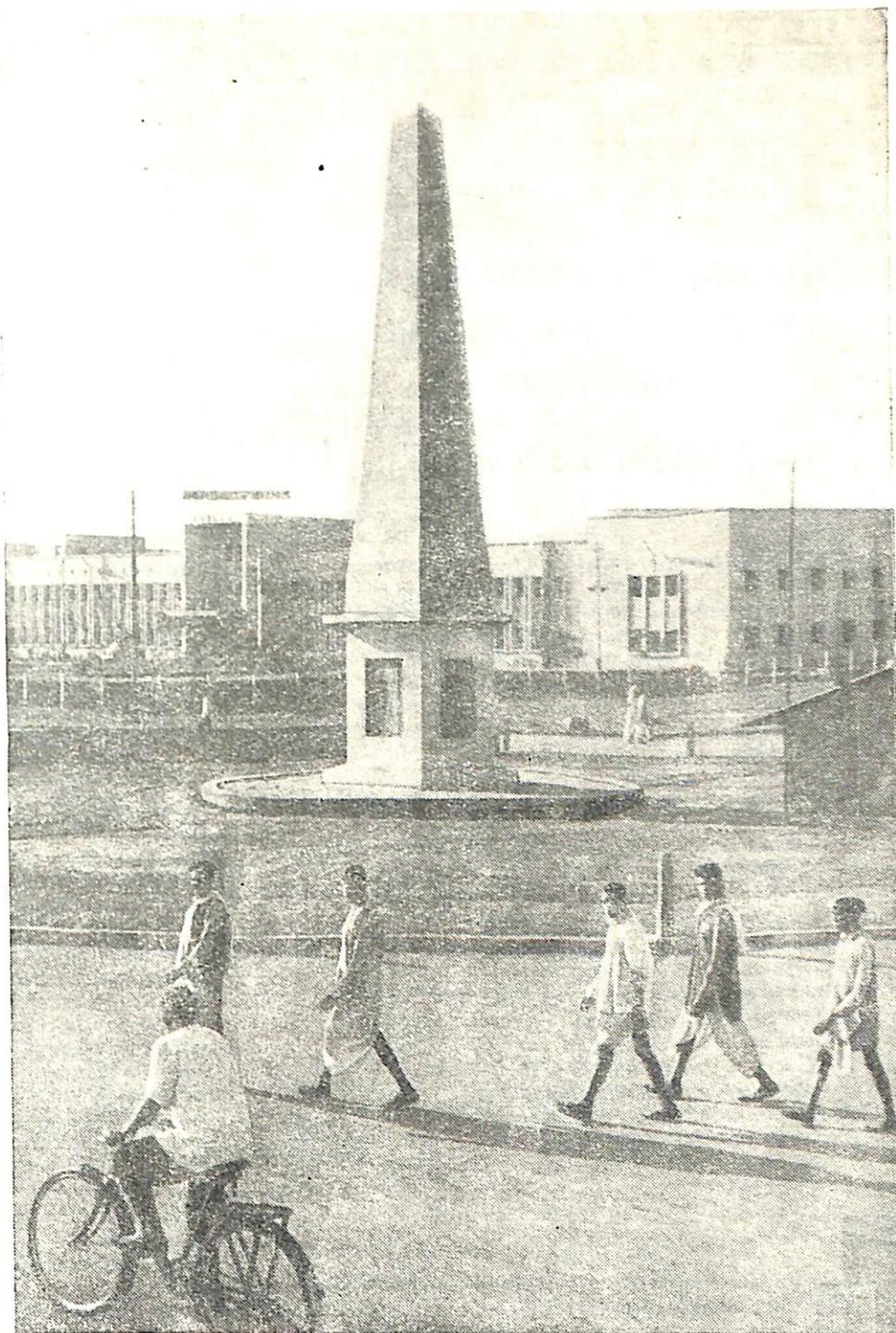
— Ну и как, справляешься?

— А что, люди у нас хорошие, способные. Вон Мутху Каруппан, из джунглей пришел, автомобиля, как тигра, боялся. Настоящим строителем стал!

Но с Никифоровым я все-таки встретился... Это случилось как-то в Дели. Он улетал домой в отпуск и перед отъездом зашел ко мне. Среди моих гостей были и дипломат, говоривший афоризмами, и журналист — автор нашумевших книг, и молодой индолог. Никифоров скромно сидел в углу комнаты и улыбался чему-то своему, далекому. Может, вспоминал о друзьях, которых оставил на родине и с которыми ему теперь вскоре предстояло встретиться; может, думал о тех, кого нашел в Индии, — Махеше Кумаре, Зия Хасане, Мутху Каруппане, о парнях из Ранчи. Я не стал докучать ему назойливым хозяйским стремлением занять гостя.

Дипломат спорил о чем-то с журналистом. Индолог машинально приканчивал очередную порцию «лег бара»³, перекидываясь редкими фразами со

³ «Лег бара» (пенджаби) — зажаренная целиком баранья нога.

Монумент индо-советской дружбы, сооруженный индийцами на территории Бхилайского металлургического завода в честь советских и индийских специалистов, построивших этот завод.

Фото А. Савина (Фотохроника ТАСС)

своей соседкой по столу. А я смотрел на Петра и мысленно обращался к Андрюшке:

«Видишь, там, в углу, сидит щуплый, невзрачный на вид человек? Он простой русский рабочий. В своем щедром сердце он умело и бережно несет эстафету новой жизни. Я буду счастлив, если ты вырастешь достойным того, чтобы нести дальше эту эстафету людского счастья».